

Татьяна Старостина

Торт с лебедями

Татьяна Старостина
Торт с лебедями

«Автор-Онлайн»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Старостина Т.

Торт с лебедями / Т. Старостина — «Автор-Онлайн», 2017

ISBN 978-5-6040107-2-3

В основу остросюжетного романа «Торт с лебедями» положены реальные события. Это история могла приключиться с кем угодно... От сумы да тюрьмы не зарекайся. Знала ли Анна, что эти пророческие слова будут иметь к ней самое прямое отношение? Что прежний мир рухнет, и жизнь, которая только начала налаживаться и обещала стать прекрасной, сузится до душной «хаты» с зарешеченным оконцем? Как оказалось, новая реальность отличается от жизни на свободе, как ад и рай. Хватит ли у Анны сил выстоять в экстремальных условиях, не потеряв достоинства? Как повлияют на неё новые, страшные условия повседневной действительности? Может ли она рассчитывать на помощь и поддержку мужа, которому так верит? Или она в очередной раз окажется жертвой человеческого вероломства – станет разменной пешкой в грязной игре?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-6040107-2-3

© Старостина Т., 2017
© Автор-Онлайн, 2017

Содержание

1	8
2	20
3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Старостина

Торт с лебедями

© Т. Ю. Старостина, 2017

Дипломированный филолог, лингвист, переводчик Татьяна Старостина могла бы написать книгу о собаках. О том, как она их любит, какие они умные, ласковые и озорные. И это была бы искренняя и нежная книга, которая учит добру и преданности. Или Татьяна могла бы выбрать темой своего дебюта на литературном поприще страны Юго-Восточной Азии. Китай, Вьетнам, Индию и Бангладеш она посещает чаще, чем Подмосковье. Инсайдерская информация востребована, любители путешествовать сделали бы это издание бестселлером. Пожалуй, Татьяна могла бы со знанием дела описать свой педагогический опыт – годы преподавания в МГИМО не прошли даром. И это тоже была бы нужная и полезная книга, ведь современные методы обучения интересуют очень и очень многих. Но Татьяна Старостина выбрала другой путь. Она решила посвятить свой первый роман вечным темам, которые волнуют людей веками, – любви и ненависти. Он, она и жестокий мир вокруг – не об этом ли самые лучшие в мире книги? Татьяна Старостина и ее «Торт с лебедями» в очередной раз это подтверждает.

*А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.*

Анна Ахматова

1

За окном камеры чирикали воробьи. Странно, зимой птицы не поют, может, это так скребет о снег лопата? Или все-таки птицы радуются не по сезону яркому солнцу? Анна выглянула в окно. Было самое начало зимы, но во дворе уже горбатились грязные сугробы, и на прогулках заключенным часто вручали лопаты, чтобы они отгребали снег к облезлым каменным стенам. Подтаяв на солнце, эти снежные кучи превращались в ручейки, которые сбегали вниз и собирались в огромные лужи – ноги гуляющих по двору арестантов мгновенно промокали.

В камере стоял неистребимый запах баланды и сигаретного дыма. Непривычному вольному человеку от этой вони тут же становилось плохо, а сидельцы ничего, привыкали. В коридоре было тихо, хотя нет, где-то вдали лязгали железные двери, ну а заключенные, привыкшие к этому звуку, уже и не слышали его, как не слышит ухо дачника шума проезжающей электрички. Дача... Анна на мгновение прикрыла глаза, подставив лицо тонкому лучу света, пробивающемуся сквозь грязное оконное стекло, и вспомнила, как еще совсем недавно – прошлым летом, в прошлой жизни – они с мужем вечером шли от станции к дому. Дорога проходила через лесок, и когда пара вышла на опушку, вдруг запел соловей. Тогда Сергей обнял Анну, и они долго стояли, слушая звонкие трели. Темный лес, легкий ветерок, надежные руки мужа, чувство покоя и защищенности... Жизнь была простой и понятной, и казалось, так будет всегда.

Сережу она знала с детства. Еще детьми они познакомились в пионерском лагере, куда Аню на все лето отправила мать. Первую смену девочка грустила и плакала: хотелось домой, подруг не было. Но мать, работавшая буфетчицей в закрытом партийном учреждении, на просьбу дочери забрать ее из лагеря жестко ответила:

– Сиди. Не до тебя мне сейчас – сменщица уволилась, работать мне теперь до сентября без выходных-проходных.

А когда через пару недель началась вторая смена, и приехали новые ребята, стало гораздо веселее. Аня сразу обратила внимание на высокого худого паренька, который быстро стал заводилой. Он пел под гитару модные песни на иностранном языке, утверждая, что это рок, подбивал пацанов бегать ночами купаться, а однажды сам проколол себе ухо и вставил туда английскую булавку. Как-то вечером ребята решили организовать дискотеку. И все было как обычно – девчонки стояли группкой, мальчишки тусовались отдельно. И вдруг Сергей подошел к ведущему, взял у него микрофон и, сделав музыку тише, сказал:

– Я хочу пригласить на танец самую красивую девушку!

Все замерли. У девчонок забились сердечки, каждая надеялась, что именно ей адресованы эти слова. А он спокойно вернул микрофон ведущему и, быстро сбежав со сцены, стремительной походкой направился к Ане. Толпа послушно расступалась, мальчишки одобрительно улыбались, девочки опускали глаза, скрывая разочарование.

– Разрешите пригласить вас на танец? – неожиданно церемонно произнес Сергей, вплотную подойдя к ней.

– Разрешаю, – смущаясь от неожиданности, пробормотала Анна, подавая ему руку.

Они неловко танцевали, боясь случайно коснуться друг друга, стараясь даже не дышать.

– Хочешь, пойдем к озеру? Я сегодня поймал пару карасей и забыл в ведре. Можем отдать их Ваське.

Аня не сразу сообразила, о каком Ваське идет речь. Это был толстый и ленивый рыжий кот, обитавший при кухне. Мышей он не ловил, а целыми днями спал в каком-нибудь теплом месте, смешно поводя во сне усами. Аня весело подумала: какая разница, за карасями, так за карасями – с этим парнем, казалось, хоть на край света. Они долго пробирались по узкой заросшей тропинке, влажная трава хлестала по ногам, ветки Сергей заботливо придерживал

одной рукой, а другой сжимал Анину ладошку. Вскоре перед ребятами заблестела темная гладь воды. На берегу стояло старое ведро с водой, а в нем – о чудо! – плавали два живых карася.

– Слушай, а если их выпустить, они жить будут? – спросила Аня.

– Должны, – без тени сомнения ответил Сергей.

Тогда она взяла ведро и, аккуратно пройдя по тонким скользким мосткам, опрокинула его в озеро. Рыбы шлепнулись с громким всплеском и тут же исчезли в глубине. Балансируя по доскам мостков, Сергей подошел к ней и робко обнял за талию.

– Какая же ты красивая, – тихо сказал он.

Аня повернулась и замерла, глядя в его глаза. Так они и стояли, обнявшись, чувствуя близость друг друга, и боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть то непонятное и хрупкое, что вдруг возникло между ними. Ребята и не заметили, сколько прошло времени. Постепенно над водой стал подниматься туман, а над верхушками деревьев появился край солнца. Аня очнулась первой.

– Пойдем обратно, там, наверное, нас уже ищут!

В лагере царил переполох. Вожатые бегали из корпуса в корпус, пытаясь выяснить, кто последний видел ребят, куда они делись. Конечно, мало им не показалось. Сергею объявили строгий выговор, а Аниной матери позвонила директор лагеря, высказав все, что она думает по поводу поведения ее дочери. К счастью, мать была так занята в своем буфете, что дело ограничилось разговором по телефону и свирепым обещанием «разобраться по полной программе». С Серезиной мамой все было проще. Она работала главврачом в детской больнице, и у нее просто не было времени заниматься выкрутасами сына. Спокойно выслушав эмоциональную речь начальницы пионерлагеря, она вежливо извинилась за его поведение и попросила отложить разбирательства до конца смены. Ну а там, как известно, или все будет забыто, или случится что-нибудь новое и прошлые события благополучно канут в лету.

Сергей с Аней продолжали встречаться. Вечером, после отбоя, когда шум в палатах затихал, Сергей тихонько подкрадывался к окошку комнаты, где спала Аня, и стучал по стеклу так, как они условились – три раза медленно, пауза, два раза быстро, пауза и еще раз.

Девочка осторожно открывала окно и спрыгивала вниз, благо, первый этаж был невысоким. Сергей подхватывал ее и, бережно опустив на землю, брал за руку. Они уходили на прогулку. Где только не побывали за время, оставшееся до конца смены: в лесу, который в тиши ночи казался совсем другим – таинственным, опасным, полным непонятных звуков и теней, у озера, на тех мостках, где они снова не раз встречали рассвет, в ближайшей к лагерю деревне. По самой деревне они прошли только раз и то краем – собаки подняли невообразимый лай, услышав чужаков, и им пришлось быстро ретироваться. А иногда ребята просто залезали на чердак заброшенного корпуса. Там они сидели и разговаривали обо всем на свете – Сергей рассказывал ей про западные рок-группы, о которых в то время мало кто знал, и записи которых передавали друг другу только по большому знакомству, про своих родителей – маму-врача и отца-строителя.

– Знаешь, а у меня папа – инвалид, у него одной ноги нет. Ему на стройке ногу плитой придавило. Давно уже, я еще совсем маленьким был. Они строили детский сад, бетонная плита была плохо закреплена и начала съезжать вниз. А там люди работали и не видели, что произошло. Отец заметил, крикнул рабочим и постарался придержать плиту, но она ему на ногу наехала. Отвезли в больницу. Я маму все пытал, где папа, а она, бедная, отмалчивалась. Ногу тем временем ампутировали. Мама рассказала мне об этом происшествии, спокойно так, только голос прерывался. Потом говорит: «Пойдем, сынок, навестим папу». А когда мы в палату пришли, знаешь, я первый раз в жизни увидел, как мама плачет. Отец лежит, пытается улыбаться, говорит ей что-то, утешает. А она никак успокоиться не может...

– А потом как же?

– Потом? Да ничего. Выписали его через месяц, костыли дали. Потихоньку на протезе научился ходить. Только не любит он протез, говорит неудобно, больно. Перевели в контору на бумажную работу на неполный день. Но отец руки не опустил. Оборудовал дома столярную мастерскую и такие вещи из дерева делает! Столики резные, табуретки, подставки. Один раз даже люстру сделал! Вот только пить стал. Нечасто, но случается. Тогда, конечно, у нас дома все плохо. На работу не ходит, в мастерскую тоже, сидит невменяемый совершенно, глаза красные, руки трясутся. Но тихий. Проспится, и снова все в порядке. Мать, конечно, переживает, любит ведь его.

Раньше она ругалась, воспитывать пыталась, а потом просто на работе пропадать стала.

– Ты говорил, она врачом работает?

– Да, мама – главврач в детской больнице. Больница небольшая, там, где я живу, в районе Кутузовского, врачей немного, сама часто дежурит. Иногда что-то случается, так маму из дома вызывают. Я, знаешь, редко ее вижу: она или на работе, или такая уставшая, что даже говорит с трудом.

Он помолчал, покусывая травинку, внимательно взглянул на нее и произнес:

– Я решил – когда школу окончу, тоже на врача пойду учиться. На хирурга. Я думаю, можно было отцу ногу спасти. Я бы спас.

Аня молчала. Стояла тишина, лишь где-то в деревне тявкали собаки да слышался шум изредка проезжающих машин. Шелестели деревья, их кроны дотягивались до чердака, где сидели ребята, и казалось, они тоже участвовали в разговоре, пытались что-то сказать.

– Я верю, ты будешь хорошим врачом, – сказала Аня.

У нее дома все было по-другому. Мать воспитывала ее одна. Отец оставил их, когда дочь была совсем маленькой, и с тех пор в адрес мужчин девочка слышала от матери лишь ругань. Но это не мешало ей крутить романы, которые, правда, оказывались весьма кратковременными.

Сначала в их жизни появился высокий дяденька с черными усами, с которым мама познакомилась на работе. Он носил строгий серый костюм, ходил в вычищенных до блеска ботинках, от него пахло хорошим одеколоном. «Важная шишка» – называла его мать. Мужчина приходил два раза в неделю, приносил коробки шоколадных конфет, розы. Однажды Аня даже увидела, как он передал матери деньги, которые та профессиональным движением работника торговли быстро спрятала куда-то в складки одежды. Когда мужчина приходил, мать отправляла дочку погулять или в магазин, хотя надобности в этом не было – холодильник у них никогда не пустовал. Однажды, когда пришел гость, Аня была дома. Девочка приболела, у нее поднялась температура, саднило горло. Мать сжалилась и разрешила остаться дома, велев носа из комнаты не показывать. Аня делала уроки, когда в дверь снова позвонили. Мать открыла, и тут раздались звуки ударов, женский визг и крик: «Оставь моего мужика в покое, стерва!» Аня осторожно выглянула из комнаты и увидела, как чужая тетка с выпученными глазами вцепилась матери в волосы одной рукой, пытаясь другой выцарапать ей глаза. Дяденька, едва успевший натянуть брюки, в тапочках на босу ногу, пытался разнять женщин.

Он неуверенно повторял: «Ну что ты, Клава, не надо, это не то, что ты подумала!» «Ах ты, кобель! А что я должна подумать!» – визжала та, стараясь дотянуться длинными красными ногтями до глаз соперницы. «Мама!» – кинулась Аня в коридор.

От неожиданности тетка ослабила хватку, мать вырвалась, а незваная гостья, стряхнув с рук клочья выдранных волос, подхватила под руку мужика в тапочках и исчезла за дверью. Больше «важную шишку» Аня не видела.

Потом был начальник ЖЭКа. Он ходил в широких штанах, курил «Приму» и считал себя большим знатоком литературы. Мать, улыбаясь, потом рассказывала, как в самом начале знакомства он поведал, что его любимое произведение – «Аристократка» Зоценко. Даже притащил потрепанную книжку новообременной подруге – читай! Мать читала и смеялась: в своем

буфете она частенько видела похожие сцены, когда жены и подруги высоких чинов без лишней скромности набирали полные сумки дефицитных продуктов, а сами чины, желая как-то «притормозить» их, бормотали: «Ну что ты, дорогая, ты забыла, я не люблю сырокопченую колбасу» – и пытались на ощупь в кармане по толщине кошелька определить, достаточно ли наличности. Начальник ЖЭКа не приносил ни шоколада, ни роз. Он с удовольствием уплетал приготовленные на ужин котлеты с картошкой, выпивал рюмку коньяка, закусывая принесенным из буфета дефицитом.

«Ох, хорошая ты баба, Ленка, подкинь-ка мне еще добавки», – басил он, норовя ущипнуть мать.

Аня смущенно отводила глаза, ей совершенно не нравился новый мамин друг. К счастью, той довольно быстро надоело его обслуживать, и они расстались. Встречая Аню во дворе, он еще долго передавал матери приветы и поклоны: видимо, не мог забыть вкус фирменных домашних котлет и обжаренной до золотистой корочки картошки.

Так что мать жила одна, без друга, работая по две смены в своем буфете и таская по вечерам в дом сумки с колбасой и прочим съедобным эксклюзивом тех времен. Жизнь сделала ее жестким человеком, но дочь она по-своему любила, переживала за нее, ругала за плохие отметки и твердила, что Аня обязана «выйти в люди» и быть не хуже других. Каких других, девочка не очень понимала. Но раз мама говорит, надо стараться. И она старалась.

Была середина августа, лето постепенно заканчивалось, а с ним и смена в пионерском лагере. Аня не могла представить, как она дальше будет жить без Сергея, который так стремительно вошел в ее жизнь. Она привыкла к их вечерним прогулкам, к откровенным разговорам. Никогда раньше у нее не было такого близкого человека, с которым она могла говорить обо всем на свете. Каждый вечер, провожая до корпуса, Сергей обнимал ее, легко касаясь щеки сухими губами, Аня убегала к себе. Но той ночью, накануне расставания, молодые люди впервые по-настоящему поцеловались. Это было захватывающе и страшно одновременно.

– Ты же не исчезнешь, мы будем встречаться, когда лето закончится? – прошептал мальчик.

– Да, да, я не исчезну. И ты не пропадай, – ответила девочка.

Аня помнила, как долго они стояли, обнявшись, не в силах расстаться. Потом она сделала над собой усилие.

– Все, пора идти. Пока.

– Пока, – Сергей взглянул на нее и ушел, ни разу не обернувшись. Ей даже обидно стало.

Домой Аня вернулась, словно в другой мир. Мать была постоянно занята своими делами, дочь почти не замечала. Лишь мимоходом спросила:

– Ну что, хорошо отдохнула? – и ушла к себе в комнату, не дожидаясь ответа.

Потянулись будни, вскоре начались занятия в школе. О Сергее ничего не было слышно, он пропал, словно его и не было, словно и не было их прогулок, долгих душевных разговоров. Будто это все привиделось ей, приснилось... Лишь как-то утром в середине сентября раздался телефонный звонок.

– Это тебя, какой-то парень, – недоуменно произнесла мать, передавая ей трубку. Телефон стоял на кухне, и Ане пришлось говорить в присутствии матери. А та, как нарочно, не торопилась уйти в комнату, что-то вытирала и поправляла, внимательно прислушиваясь к разговору. Затем спросила:

– Это твой летний кавалер?

И не дожидаясь ответа продолжила:

– Даже не думай встречаться с этим парнем. Ты должна ответственно относиться к своему будущему, поступить в институт, сделать хорошую партию. Я все пороги обила, путевку в приличный лагерь достала, чтобы моя дочь не хуже других детей летом отдохнуть могла, а

ты!.. Снюхалась там непонятно с кем, мне Наталья Ивановна, директор лагеря, все про тебя рассказала. И про парня этого забудь, ясно тебе?

– Мама, мама, все совсем не так, мама, – сглатывая комок в горле, попыталась протестовать Аня, но мать уже вышла, звучно хлопнув дверью.

Сергей приехал в этот же день, ближе к вечеру. Он объяснил, что отец болел, дома были проблемы, и он не мог вырваться раньше. Ребята вышли на улицу, но это была уже не та прогулка, что летом в лагере. У подъезда на скамейке сидели старушки. Они проводили парочку внимательными взглядами и зашептались. По дороге ребята встретили Аниных одноклассниц. Девчонки уставились на Сергея с нескрываемым любопытством – Аня чувствовала себя не в своей тарелке. Но ужаснее всего было то, что на обратном пути они нос к носу столкнулись с Аниной матерью.

– Мама... – только и смогла промолвить изумленная дочь. – Ты же должна еще на работе быть...

Женщина, сузив глаза, молча смотрела на парочку.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Сергей.

– Ну, здравствуй, здравствуй, – ледяным тоном ответила женщина. – Значит так, говорю один раз – надеюсь, до тебя сразу дойдет. Чтобы я тебя возле моей дочери больше никогда не видела, понятно тебе?! Забудь дорогу к этому дому, забудь про Анну. – Она крепко взяла дочь за руку чуть выше локтя и повела домой.

Сергей был ошеломлен. Такого он явно не ожидал. Однако быстро справился с изумлением и спокойно произнес:

– Нет. Аню я не забуду.

Дома девочку ждал скандал. Нет, к Аниному удивлению, мать не кричала. Просто отчитала ее таким тоном, что стало ясно – мать ни за что не позволит им встречаться. Не помогли ни слезы, ни попытки объясниться. У Елены Ивановны была твердая позиция – дочь должна блюсти свою девичью честь и выйти замуж девушкой. Только так Аня может обеспечить свое женское счастье. Сам Сережа, как будущий жених, никакого интереса, на взгляд Елены Ивановны, не представлял. К тому же она была уверена, что ребята слишком рано встретились и ничего серьезного у них получиться не может.

Елена Ивановна была неплохим человеком, она по-своему желала дочери счастья. Но счастье могло быть только таким, каким она его себе представляла: институт, потом чинное замужество, никаких прогулок при луне до свадьбы, никаких душевных волнений до встречи с будущим мужем. Да и после тоже. От лукавого все это. Несмотря на то, что собственная жизнь сложилась по-другому, Елена Ивановна была убеждена – у дочери все должно быть иначе, лучше, ровнее. Поэтому она свирепо ругала Аню за плохие отметки, беспорядок на письменном столе и неподходящих друзей. Мать искренне считала, что жизнь по правилам должна обеспечить ее девочке счастье. И стояла в этом насмерть.

Встречи Ани и Сережи были обречены. Ребята пробовали увидеться: созванивались, встречались в городе, но из отношений ушла легкость. Жизнь с оглядкой не может долго продолжаться. Так и вышло. Школа со своими проблемами, друзья во дворе, подруги... Ребята созванивались все реже, и в какой-то момент им, казалось, стало не о чем говорить по телефону – ну, сколько можно вспоминать прошлое! Они не забыли друг друга, нет, но отношения замерли, словно задремали, и кто знает, когда им суждено было проснуться...

Аня окончила школу, поступила в институт. Когда она училась на третьем курсе, мать пригласила в гости подругу – толстую говорливую тетку в ярком платье, с которой они вместе работали. Та привела с собой сына – полного молодого человека в очках. Его звали Владислав. Он учился в престижном институте и, как многозначительно сказала мать, был «очень перспективной партией». Ане было скучно с гостями, но она послушно разливала по тонким фарфоровым чашкам чай, резала испеченный матерью торт, поддерживала беседу. Выяснилось,

что через полгода Владислав окончит институт, и у него есть неплохой шанс получить работу за границей.

«Но для этого, – тут его мать тонко улыбнулась, – ему надо устроить свою личную жизнь».

Проще говоря, жениться. Холостых на такую работу не брали. Анна изумленно смотрела, как молодой человек пил чай и совершенно равнодушно слушал, как его сватали. Владислав спокойно размешивал ложечкой сахар, с удовольствием, жадно, кусок за куском ел торт, не забывая и про лимон, аккуратно складывая корки на блюдечко. Казалось, ему все было безразлично, словно речь шла не про него. На Анну он взглянул всего пару раз – когда их представили и позже, когда она предложила ему чаю. Молодой человек казался спокойным, даже равнодушным. Однако, к большому удивлению девушки, он позвонил ей через несколько дней и предложил встретиться. Оказывается, мать тоже была в курсе, что Аню пригласили на свидание. Когда девушка после института прибежала домой, на стуле уже висело выглаженное нарядное платье, а рядом аккуратно стояли праздничные туфли на тонком каблукке.

– Мама, ты зачем мне платье приготовила? – спросила Анна.

– Тебя же Владик на свидание пригласил. Ты должна хорошо выглядеть.

– Да не пойду я. Он мне не нравится.

– Что значит «не нравится»? Такой порядочный и перспективный молодой человек из хорошей семьи. Женится, увезет тебя за границу, будешь, как сыр в масле кататься. Аня, ты должна серьезно отнестись к этому вопросу – речь идет о твоём будущем. Ты не можешь всю жизнь сидеть на моей шее, тебе уже двадцать лет! Девичий век короток, поторопись. Или ты хочешь всю жизнь в каком-нибудь НИИ чахнуть?

– Мам, но он толстый и скучный! Я лучше с девчонками в кино пойду, – ответила Аня.

– Совсем девка с ума сошла! Ты головой думаешь или чем? Живо приводи себя в порядок, крась ресницы и одевайся. И не вздумай дурака валять! Давай, поторопись, не хорошо на первое свидание опаздывать. А ну покажи мне свои руки! Завтра же запишу тебя на маникюр, надо форму ногтей исправить, ручки в порядок привести. Все, марш собираться!

Недоумевая, Аня отправилась к себе в комнату собираться на свидание. Ну да ладно, можно разок сходить, прогуляться, пообщаться. В конце концов, мать права, надо как-то заниматься личной жизнью. Боже, слова-то какие противные – заниматься личной жизнью! Почему-то обычной жизнью заниматься не надо, а вот личная – фифа такая – требует, чтобы ею занимались. Тогда, в детстве, в пионерском лагере, она ни о чем таком не думала, с Сережей все было так легко, так просто. И Ане вдруг отчаянно захотелось обратно в детство – туда, где шумит ночной лес, где тонкие мостки над водой и где рядом стоит влюбленный в нее мальчик... И им страшно пошевелиться, чтобы случайно не коснуться друг друга... Сережа...

– Ну, ты долго еще? – мать появилась в дверях комнаты.

– Да, мама, все, иду уже.

Через полгода Владислав и Аня поженились. Свадьбу сыграли пышную – в кафе «Хрустальное» на Кутузовском проспекте. На невесте была фата до пола, у жениха в петлице – розовая гвоздика, а на шее – галстук-бабочка. Ане не нравился этот галстук, совсем как у официантов, но Влад сказал, что так носят в лучших домах Лондона и Парижа. Так и сказал: «Лондона» – с ударением на второй слог. В кафе жениха с невестой встречали традиционным хлебом-солью, потом молодые танцевали вальс, при этом Влад сбивался и несколько раз наступил ей на ногу, весьма чувствительно. Матери украдкой вытирали слезы, гости пили водку, желали счастья, детишек побольше и громко кричали «Горько!»

Так началась Анина семейная жизнь. Она училась на четвертом курсе, муж защитил диплом, и его устроили работать при какой-то МИДовской структуре с перспективой уехать работать за границу. И все вроде было неплохо. Родители мужа выделили молодой семье маленькую двухкомнатную квартиру на Профсоюзной улице, где жила старенькая бабушка Влада. Этой хорошо сохранившейся старушке было уже далеко за семьдесят, и поначалу она

хорошо приняла Аню. По субботам молодые ходили в кино или в гости к друзьям, воскресенье проводили дома. Аня гладила мужу рубашки и готовила еду: варила борщ, крутила фарш на котлеты. По будням девушка убегала в институт, когда муж еще спал. У него был странный график: Влад мог приходить на службу попозже и, соответственно, задерживаться, если работа того требовала. Сначала это было почти незаметно, но постепенно распорядок дня мужа и жены совершенно перестал совпадать. Когда Аня возвращалась из института, сонный Влад обычно сидел на кухне, завернувшись в голубой махровый халат, и завтракал. Бабушка, Ирина Михайловна, хлопотала вокруг него, заваривала чай и готовила бутерброды. Увидев Аню, она тут же заканчивала суету и, вытирая руки о передник, удалялась в свою комнату, приговаривая:

– Ну, вот хорошо, что пришла, пожарь Владику яичницу, а то я не успела еще!

И Аня, едва успев прийти с работы и вымыть руки, принималась готовить мужу завтрак. Обычно это происходило далеко за полдень, ближе к четырем-пяти часам дня – кажется, в Англии это называется фэйв-о-клок, и в это время англичане пьют чай с молоком и печеньем. По-русски – полдник. Но к этому часу Аня еще не успевала пообедать, поэтому для мужа жарила яичницу, а для себя пыталась соорудить что-то вроде обеда. Закончив с едой, Влад отодвигал грязную посуду и доставал сигарету. Кухня мгновенно наполнялась табачным дымом.

– Владик, ну пожалуйста, ты же знаешь, я не люблю, когда ты куришь, – с мольбой говорила Аня.

От этих слов Владик недовольно морщился, но тут в разговор вклинивалась бабушка, которая не могла долго усидеть в своей комнате.

– Ты, милая, должна терпеть и недовольства мужем не высказывать. Что значит «не люблю»? Раз ему так хочется, значит, и тебе должно нравиться. Терпи, раз замуж вышла!

И Аня терпела. В конце концов, Владик был неплохим мужем, приносил в дом зарплату, дарил по праздникам цветы, а иногда и духи, целовал перед уходом на работу. Ну спит допоздна, ну курит на кухне – что здесь, в конце концов, такого...

Вскоре Аня поняла, что беременна. Они совершенно не планировали пока заводить ребенка – сначала нужно институт окончить, Владик должен определиться с командировкой за рубеж, из-за которой Анина мама так стремилась выдать дочь замуж за этого, в общем-то, совсем неинтересного человека. Молодым хотелось немного пожить на свободе, как говорится, для себя. Но, как известно, дети сами выбирают, когда и у кого им родиться. Аня, подсчитав срок, поняла, что ошибки быть не может. Она позвонила матери:

– Мама, что делать? Я не готова еще...

Ответ Елены Ивановны был однозначен:

– Как «что»? Рожать! Ты замужем, все у тебя в порядке. И не вздумай дурью маяться, останешься потом без детей. Да и мне охота уже с маленьким повозиться.

Знала бы она, что уж «с маленьким повозиться» ей доведется всласть – больше, чем с собственной дочкой! Но и знала бы, все равно сказала бы «рожай», поскольку с возрастом стала человеком верующим и, хоть в церковь не ходила, пару иконок в доме поставила и потихоньку, когда никто не видел, молилась.

Беременность проходила легко. Аня продолжала занятия в институте, занималась в библиотеке – читала редкие книги, которые на руки не выдавались, бегала за продуктами, готовила, убиралась... Узнав, что жена ждет ребенка, Влад чмокнул ее в нос, сказал, что рад и надеется на сына. И все. В семейных отношениях ничего не поменялось. Он так же спал до обеда, курил после завтрака и уходил на работу. Врачи велели Анне гулять, и долгими одиночными вечерами она вышагивала по дорожкам маленького парка недалеко от дома. На душе было тоскливо. Она пыталась поговорить о своей семейной жизни с бабушкой, Ириной Михайловной, но та всегда отвечала однозначно:

– Муж работает, деньги в семью приносит, что тебе еще надо?

Однажды, когда вечером снова накатила тоска, Анна взяла потихоньку у мужа из пачки сигарету, закурила, выйдя на прогулку в парк. К горлу подкатила тошнота, закружилась голова, но Аня через силу сделала еще пару затяжек. Стало совсем плохо, ее вырвало, и в этот момент она почувствовала в животе странное движение. Будто котенок провел изнутри мягкой лапкой. Провел и затих. И еще раз.

«Боже, это же ребенок, его первое движение! Как приятно», – подумала Анна.

И сразу стало невероятно стыдно – перед малышом, перед самой собой: ведь первое движение ее первенца связано не с любовью и нежностью, а с обидой и горечью. Она переживала, ее состояние передалось малышу, и ему тоже стало плохо, а тут еще сигарета! Вместо привычного воздуха ребенок глотнул никотина и стал задыхаться.

«Прости меня, малыш, я больше так не буду! Я совсем забыла о том, что мы крепко связаны во всем! Даже курим вместе», – подумала Анна.

Мягкое движение сказало ей, что ребенок – это не просто ее часть. Это отдельный, но полностью зависимый от нее человек. От ее эмоций, чувств, радости, страданий, голода и жажды... Да от всего. Только сейчас на темной дорожке парка Аня полностью осознала, что она, и только она одна, полностью отвечает за своего ребенка.

Анна решительно отбросила сигарету, неловко затоптала ее носком ботинка и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь привести дыхание в норму. Все, решено, раз мужу все равно, она сама будет заботиться о своем малыше: гулять, кормить вкусными вещами, слушать хорошую музыку, а главное, перестанет волноваться и думать о том, что Влад, наверное, не любит ее. Или любит, но как-то не так. Ей казалось, что любящий и внимательный муж должен по-другому относиться к своей беременной жене – быть ласковым, нежным, добрым... А, может, Влад просто не умеет по-другому? Не потому, что плохой или разлюбил, а просто потому, что не умеет? Ну, не знакомо ему чувство любви, может, не целовала его мама в детстве, не гладила по голове, не говорила, что он у нее самый лучший.

И не знает он, что такое любовь и как важно быть нежным с тем, кого ты любишь. Быстро шагая в сторону дома, женщина думала об этом и одновременно прислушивалась к маленькой жизни в своем животе. Но котенок больше не гладил ее своей лапкой.

– Уснул, наверное, – с нежностью подумала Аня.

К ее удивлению, Влад был дома. В ответ на ее изумленный взгляд он пояснил:

– Знаешь, мне тут неделю отпуска дали. У меня предложение – поехали к моей тетке в Краснодарский край. Там еще тепло, в море искупаемся. Ты была когда-нибудь на Азовском море? Тебе полезно будет морским воздухом подышать.

– А как же институт?

– Да ладно, скажешь, заболела, тебе в твоём положении простят и справку не потребуют, – снисходительно ответил муж.

Аня улыбнулась. Пять минут назад она с тоской размышляла о том, какой черствый и невнимательный у нее муж, а он, оказывается, заботится о ней, хочет на море отвезти. Может, все не так плохо и у нее просто перепады настроения, свойственные женщинам в положении? Она подошла к мужу и обняла его, коснувшись животом.

– Ну что ж, поехали!

Влад чуть заметно отстранился. Аню снова кольнуло неприятное чувство, но она постаралась не обращать внимания. Ведь когда нуждаешься в нежности и ласке, так хочется верить, что тебя любят...

В Краснодарском крае их встретила целая толпа родственников – тетка, ее муж Слава, их взрослый сын Женя с невероятно толстой женой Надей и пятилетней дочкой Светочкой.

– Ой, Анечка, а что это ты бледненькая такая? – всплеснула руками тетя Клава, которая видела жену племянника первый раз.

– Просто устала с дороги, – объяснил Влад.

– Садитесь скорее в машину, поехали, я вас покормлю. Борщ, свеженький, только утром сварила к вашему приезду.

Этот борщ стал для Анны главным кошмаром отпуска. Самым главным в жизни тети Клавы было желание накормить семью. Она вставала рано утром, шла на рынок, покупала овощи, кусок мяса, пачку сметаны и вставала у плиты готовить суп. Причем готовила его исключительно на жирном мясном бульоне. Главным событием каждого дня был обед. На стол обязательно подавали салат, борщ или щи, горячее с куском жареного мяса и компот с пирогом. Для Ани съесть это все сразу было невозможно, но и оставить что-то на тарелке нельзя – провинциальные родственники обижались: не по вкусу вам, москвичам, наша стряпня. Но самое ужасное началось, когда тетя Клава попросила молодую женщину помочь ей.

– Готовка – это женское дело, – сказала она. – Давай-ка, милая, почисть картошечки на суп.

Стоя у мойки, Аня чистила картошку и, вдыхая пары кипящего мясного бульона, боролась с подступающей тошнотой.

– Когда тебе рожать? Весной? Так сейчас уж не должно быть никакого токсикоза, – говорила тетка тоном многоопытной женщины. – Так что ничего страшного...

Так, в бульонных парах, и прошел отпуск. На море молодая пара обычно уходила во второй половине дня, поскольку Влад, верный своему графику жизни, вставал поздно, как раз к обеду, потом долго сидел с сигаретой в саду и беседовал с родственниками, лишь часам к четырем неторопливо поднимаясь:

– Ну, пойдем, что ли...

Пляж был диким, спуск неудобным, но, держась за руку мужа, Анна потихоньку спускалась к воде. Был октябрь, море постепенно остывало. Она бродила босиком по кромке воды, стараясь не наступать на острые камушки, вдыхала морской воздух и заставляла себя ни о чем не думать. Влад иногда купался, пару раз даже заплыл довольно далеко, так, что его с трудом можно было разглядеть среди волн. Но чаще всего муж сидел на берегу с сигаретой в руках, бросал камушки и считал, сколько раз они подпрыгнут на волнах. Потом возвращались домой, опять ели – сколько можно! – но что поделаешь, так в этом доме было заведено, коллективно смотрели телевизор и шли спать. И на следующий день все повторялось.

– Влад, может, здесь есть что-нибудь интересное? Давай съездим, посмотрим. Думаю, Женя даст машину, – просила Анна.

– Слушай, мне неохота. Да и куда тебе с животом таскаться. Сиди уж, – ворчливо отвечал муж.

И она послушно сидела, стараясь подавить нарастающее раздражение. Нельзя нервничать, малышу вредно. Может, Влад прав, зачем ей сейчас куда-то ехать, лучше спокойно гулять по берегу моря и дышать морским воздухом. А то, что душа рвалась, так это ерунда, гормональные всплески, причуды беременной женщины.

Закончился отпуск, и молодые люди вернулись домой. Снова потекла привычная московская жизнь. Институт, кухня, одинокие прогулки в парке. Аня училась на последнем курсе, поэтому, посоветовавшись со своим научным руководителем, она решила постараться досрочно сдать сессию, чтобы успеть до родов, и получить диплом. И она успела.

Катюшка родилась в апреле в яркий солнечный день, когда на улице таяли последние остатки грязного весеннего снега, журчали веселые ручьи и громко чирикали городские воробьи. Аня была счастлива. Сидя на кровати в больничной палате, она прижимала к себе крошечную дочку, смотрела на нее и не могла налюбоваться. Глазки – серые, как у всех новорожденных. Интересно, какими они потом станут – голубыми, как у мамы или болотно-карими – как у папы? Маленький носик – кажется, немного курносый – как у мамы. Длинные рыжеватые волосики на затылке, губки бантиком, которые так смешно двигались, когда Аня прикладывала ее к груди. Кроха, только вчера родилась, а уже знает, как надо сосать молоко. Малышка

забавно плакала – сначала покряхтит немного, а потом начинает пищать, как маленький щенок. Аня не могла наглядеться на свою красавицу.

На выписке из роддома Аню с дочкой встречали бабушки – мама и свекровь. Они сообщили, что Влад простудился, у него кашель и насморк, что он боится ее заразить, поэтому пока поживет у друга. Да, конечно, правильно, но почему-то так обидно...

Владислав увидел дочку только через неделю после выписки, улыбнулся, взял на руки.

– Хорошенькая. Жалко, конечно, что не мальчик. Ничего, в следующий раз постараемся, – усмехнулся он.

«Следующего раза у нас с тобой не будет», – вдруг мелькнула в голове мысль.

...Молодая мама полностью погрузилась в процесс кормлений, гуляний и купаний. Первая улыбка, первый зуб, появление которого сопровождалось высокой температурой и бессонными ночами, первое осмысленное «ма». Помогала бабушка Ирина Михайловна, а по субботам приезжала мама и гуляла с внучкой, иногда заезжала свекровь. Муж от родительских функций как-то незаметно уклонился – не мужское это дело, вот подрастет, тогда и будем общаться. Да к нему жена старалась особо и не обращаться. Влад жил своей жизнью, ездил на работу – ему удалось даже официально договориться приезжать к обеду, по субботам созванивался с друзьями и куда-то уходил – на футбол или поиграть в компьютерные игры. «Ладно, не страшно, – настраивала себя Аня, – вот подрастет Катюшка, все изменится». Гуляя с дочкой в том самом парке, где еще недавно прохаживалась с животом, она поймала себя на том, что с нескрываемой завистью смотрит на гуляющие с колясками парочки. Ей казалось, что она – мать-одиночка. Или соломенная вдова – вроде муж есть, а в то же время и нет его в ее жизни.

Однажды вечером Влад вернулся домой расстроенный.

– Знаешь, мне сообщили, что за границу меня не пошлют. И обещанного повышения, наверное, не будет. Я тут подумал: а ты не хочешь уже выйти на работу?

Аня замерла.

– А как же малышка?

– А что малышка? В ясли отдадим. Вон другие через полгода на работу выходят, а ты уже почти год дома сидишь, так что ничего страшного. Может, английский пойдешь преподавать, так там вообще на неполный день можно устроиться. А бабушка поможет. А, баб? – обратился он к Ирине Михайловне, которая, услышав разговор в коридоре, вышла из своей комнаты.

Та поджала губы:

– Помогу, чем могу, но особо не рассчитывайте, старая я уже, – и ушла в свою комнату, плотно закрыв дверь.

Аня расстроилась, обняла дочурку, зарывшись носом в ее волосенки. Они пахли чем-то необыкновенно теплым и родным, как пахнут только маленькие дети и новорожденные щенки. Девочка, почувствовав, что мама расстроилась, обняла ее, прижавшись всем тельцем, и заревела.

– Прекрати ребенка расстраивать! Все, хватит сопли разводить, не на войну же уходишь! Ужином собираешься меня кормить? – сердито сказал Влад.

Он обошел жену и плачущую малышку и ушел в комнату переодеваться.

Через знакомых Влад подыскал ей место преподавателя английского языка в строительном техникуме, и для Ани началась новая жизнь.

Утром, когда она вставала, остальные еще спали. Дочка сладко посапывала в кроватке, муж похрапывал, отвернувшись к стенке. Лишь бабушка иногда выходила на кухню и, накинув фланелевый халат на ночную рубашку, сонно пила с ней за компанию чай.

Зарплата была не слишком высокой, но работа Ане очень нравилась. В техникуме учились разные ребята – кто-то поступил, чтобы потом продолжить образование в институте, кто-то не захотел идти в десятый класс и приткнулся в ближайший к дому техникум, некоторые

приехали в столицу из подмосковных городов. Разумеется, английского они не знали и учить не собирались, ведь любому понятно, что строить можно и без знания иностранного языка. Стараниями строгой директрисы дисциплина в техникуме была жесткой, занятия без причины не прогуливались. Аня долго думала, как же ей заинтересовать мальчишек своими уроками. И придумала. Она записала видео из разных мультфильмов и комедий на английском языке, нашла смешные рекламные ролики и показывала их в классе на занятиях. Сначала ребята не понимали, что хочет от них эта странная учительница и зачем им какая-то непонятная реклама. Но видео были интересными, а преподавательница так задорно вела урок, вовлекая в диалог всех участников, что постепенно ученики и в самом деле заговорили по-английски. Сначала плохо, потом все лучше и уверенней. Анна не делила класс на успешных и отстающих, старалась донести новую тему до каждого, хотела убедиться, что ее все хорошо поняли. А если кто-то из учеников не мог сообразить сразу, терпеливо объясняла снова и снова, делая это легко и непринужденно. Она не заставляла ребят зубрить строительную лексику, просто старалась показать, как знание иностранного языка помогает познавать мир. И делала это очень успешно. Необычная методика преподавания английского недолго оставалась тайной для остального преподавательского состава, пошли разговоры, перешептывания: «Новенькая-то не по программе преподают...» Увидев, с каким энтузиазмом ученики бегают на занятия по иностранному языку, директор техникума быстро пресекла подобные разговоры. На собрании коллектива она произнесла, строго глядя на педагогов:

– Еще раз хочу напомнить вам известную истину, гласящую, что студент – это не чаша, которую надо наполнить, а факел, который надо зажечь. И я приветствую нестандартную методику преподавания нашей молодой коллеги Анны Алексеевны, на уроках которой ученики смотрят фильмы, слушают музыку, разыгрывают сценки. Вы только посмотрите, какая у нее статистика посещаемости! Возможно, по окончании нашего техникума ребята не будут в совершенстве владеть строительной лексикой на английском языке. Но я уверена, что они не будут бояться говорить на иностранном языке. И это самое главное! А что касается незнакомых слов – так для этого словари существуют.

После этого выступления профессиональный рейтинг Анны значительно вырос.

Домашняя жизнь тем временем походила на существование в болоте. Только дочка – светлый лучик – радовала. Требовательно тянула ручонки к маме, когда та приходила домой, и что-то по-своему лепетала. Муж в это время или еще, или уже спал... Пока Анна работала, бабушка Ирина Михайловна кормила правнучку, но гулять с ней или менять подгузники сил у нее не было. Катюша была крупной девочкой, поднимать ее старушке было тяжело, и она старалась лишний раз подгузник ребенку не менять. Придя с работы, молодая мать, не переодеваясь, бросалась мыть ребенка сопревшую попу, а потом одевала дочку и шла гулять. Аня так уставала, что засыпала, едва успев донести голову до подушки, и не всегда слышала, как возвращался домой муж. Поэтому однажды очень удивилась, не обнаружив его утром в кровати. Сердце кольнуло, но как-то не очень больно. Вернувшись с работы, поинтересовалась:

– Ты сегодня дома не ночевал. Что-то случилось?

Влад, глядя куда-то в стену, начал подробно объяснять, что на работе аврал, что они все сидели допоздна, а потом, ближе к утру, еще что-то произошло...

В комнате захныкала Катюша, и Аня вышла, не дослушав.

А через неделю ситуация повторилась. На этот раз молодой женщине стало ясно – семейная жизнь дала трещину.

– Влад, давай поговорим, – обратилась она к мужу.

– Мне некогда, я должен идти, – буркнул он.

– Влад, это серьезно, это не может так продолжаться...

– Что не может продолжаться?

– Ты не ночуешь дома, тебя совсем не интересует ни моя жизнь, ни ребенка. Такое впечатление, что тебе все равно, существуем мы или нет.

Влад отмахнулся от нее, как от надоевшей мухи:

– Не говори ерунды, пожалуйста, – и отвернулся к телевизору.

– Ты, наверное, даже не заметишь, если мы с Катюшей уйдем, – рассердилась Анна.

Молчание. Муж раздраженно взглянул на нее и снова уставился в телевизор. Это было невыносимо. Ведь она пытается понять, как им жить дальше. Да и будет ли это «дальше»? Для Влада это тоже должно быть важным – или уже нет?

– Слушай, мне уйти или остаться? Ты сам-то как хочешь? – спросила Анна мужа.

Он молчал, переводя взгляд на стену. А потом тихо процедил сквозь зубы:

– Да мне все равно. Хочешь – уходи, не хочешь – оставайся.

У Анны перехватило дыхание. Такого безразличия она не ожидала. Все понятно, больше не о чем говорить. Она молча вышла из кухни, прошла в комнату к дочери и негромко про-изнесла:

– Малышка, собирайся, поедem к бабушке.

На кухне громко работал телевизор, поэтому Влад даже не услышал, как хлопнула входная дверь.

2

Сергей устало провел ладонью по лицу. Сегодняшнее дежурство было тяжелым – полчаса назад закончилась третья операция.

Первой была женщина с переломом бедра. Ее на пешеходном переходе сбила машина. Обычная «шестерка» с немосковскими номерами и полным салоном капустных кочанов, за рулем – дяденька колхозного вида. Он даже не притормозил перед зеброй.

Только Сергей закончил первую операцию, его снова вызвали в приемное отделение. На носилках лежал мальчик-подросток с травмой ног. А в коридоре в истерике билась мать парнишки – дама в дорогом пальто с роскошным меховым воротником. Ее замысловато уложенная прическа сбилась набок. Дама размахивала руками и выкрикивала какие-то угрозы в адрес невысокой девушки, испуганно стоявшей неподалеку. Мужчина в деловом костюме попытался успокоить жену. Он обнял ее и что-то негромко сказал.

В отделение вошла женщина-врач в светло-зеленом медицинском костюме и подошла к родителям мальчика.

– Что случилось? Прекратите шуметь, здесь приемный покой, не мешайте работать! – строго сказала она.

Это была Антонина Андреевна – врач отделения общей терапии.

– Это из-за нее все! Я убью эту суку! Сашенька, деточка, ну как же ты так? – истерично выкрикнула дама.

– Сын выпрыгнул из окна четвертого этажа из-за этой... – и мужчина кивнул в сторону худенькой девушки, не глядя на нее. Женщина в его руках билась, громко крича что-то совсем невразумительное. Крики перешли в вой, мужчина уже с трудом удерживал жену.

– Все ясно. Подождите секундочку, – сказала врач.

Антонина Андреевна зашла в кабинет и через минуту вышла, держа в руках шприц.

– Это успокоительное. Довольно сильное. Давайте я сделаю укол?

– Я не знаю. А вы уверены, что... – начал было мужчина, но в этот момент жена, взмахнув рукой, ударила его по щеке, сбив очки. Очки улетели куда-то в угол, жалобно звякнув о кафельный пол.

– Колите! – рявкнул мужчина.

Антонина Андреевна профессиональным движением сделала даме укол. Женщина взвизгнула, но тут же стала успокаиваться – руки упали, речь замедлилась, и она, растерянно взглянув на мужа, опустилась на стул, стоящий у стены.

– Посидите здесь. Я выясню, что с вашим сыном, – спокойно сказала врач и подошла к девушке.

Та стояла, вцепившись побелевшими пальцами в спинку стула и испуганно вжимая голову в плечи.

– Что произошло?

– Саша мне сказал: «Если не пойдешь со мной прямо сейчас, я в окно выпрыгну!» Я, конечно, отправила его куда подальше! У нас с ним никогда ничего не было, он и не нравится мне совсем. Мне Вовка из 11 «А» нравится, он тоже там был, – скороговоркой ответила девушка.

– А дальше?

– Окно открыто было. Саша встал на подоконник и выпрыгнул. Все заорали, побежали вниз, Танька скорую вызвала. Мы все сюда приехали. Ребята на улице ждут. Скажите, он выживет?

Антонина Андреевна ничего не ответила и вошла в кабинет, где пострадавшего осматривал хирург.

- Ну как он, Сережа? – обратилась она к врачу.
- Два открытых перелома. Ничего, жить будет. Готовлю к операции.
- Сережа, можно тебя отвлечь на секундочку?

Он поднял голову от пациента и подошел к Антонине Андреевне.

- Что такое?

– Возможно, у мальчика проблемы психического характера. Знаешь, почему он из окна то прыгнул? Поставил девочке условие: или моей будешь, или я из окошка спрыгну! То ли родители так избаловали парня, то ли еще что... Мать в истерике, орет как ненормальная. Пришлось мне ее в чувство приводить...

Сергей внимательно слушал и качал головой. Затем вернулся к больному, а Антонина Андреевна вышла в коридор, чтобы успокоить взрослых и подбодрить девушку.

Операция длилась несколько часов, но все прошло успешно. Выйдя из операционной, Сергей мечтал только об одном – выпить чашку крепкого чая с лимоном и выкурить сигарету. Все остальное – потом. Остальное – это описание операции. Он терпеть не мог эту писанину. Но сегодня ее некому было поручить – ассистировавший ему молодой хирург быстро убежал по своим делам. Придется делать самому.

Сергей устал. Всего пару недель назад он вернулся в родную клинику после длительного больничного, который тянулся почти год. Ему так надоело ездить по больницам в качестве пациента и бесцельно сидеть дома, так что, выйдя на работу, составил свой график таким образом, что практически все время проводил в больнице. Сутки через трое, а иногда и через двое. Плюс плановые операции. Но Сергей так соскучился по работе, что все было в радость, даже усталость. Порой он так заматывался, что к концу дежурства не всегда мог вспомнить, какой сегодня день недели. Обычные ежедневные дела помогали заглушить то невыносимое чувство тоски и беспомощности, которое возникало, стоило ему хоть на мгновение отвлечься от работы. Анна, Анечка, любимая моя...

В дверь постучали. Вошла дежурная медсестра.

- Сергей Александрович, вас вызывают. Что-то срочное.
- Кого еще нелегкая принесла? – недовольно спросил Сергей.
- Пострадавший при ДТП. Тяжелый. Непонятно, как довезли.
- Иду, иду! – ответил он.

Одного взгляда на пострадавшего было достаточно, чтобы понять – все плохо. Мужчина лет сорока мчался на своей иномарке с бешеной скоростью, затормозив на скользкой дороге, не справился с управлением и влетел в фонарный столб. Подушка безопасности почему-то не сработала. Спасателям пришлось резать кузов и доставать пострадавшего. Затем скорая помощь, реанимация. Серьезная травма головы, травмы внутренних органов, множественные переломы. Скорая с мигалкой и сиреной везла его в час пик через московские пробки, машину трясло на выбоинах. Врач, матерясь и охая, колот пациенту обезболивающее. Мужчину довезли, подготовили к операции, анестезиолог погрузил больного в наркоз. Сергей приступил к операции. И вроде все шло как положено, но больной умер прямо на операционном столе. Тяжелые травмы, болевой шок и остановка сердца... А его родные еще ничего не знали. Для них он еще жил, ехал куда-то по делам, обещал забрать дочку из детского сада и погулять с ней. И Сергею становилось нехорошо, стоило ему подумать о жене, родителях погибшего и представить себе его ребенка – маленькую девочку с косичками, которая, выглядывая в окошко, ждала папу в детском саду.

Выйдя из операционной, Сергей остановился у окна, закурил. Он сделал все, что мог. Реанимация не спасла. Жаль мужика. Нет, он не станет крестом на его личном кладбище, но все же... Личное кладбище врача – это люди, погибшие в результате его ошибки. Нет, не той ошибки, за которую привлекают к ответственности... Врачи – они ведь тоже обычные люди. Несколько тяжелых дежурств подряд, с женой поругался, начальник наорал, не успел пообе-

дать, в конце концов... Где-то задержался, замешкался, голова не тем занята, а счет идет на минуты... И больной уходит. И придраться нельзя, никто не виноват, все сделано правильно, в полном соответствии с инструкциями. Только нет больше человека. И лишь врач знает, что мог спасти. Надо было лишь остановиться, подумать, постоять над пациентом, попытаться понять, где болит, почему пульс вдруг стал падать, отчего появилась судорога. Но когда нет вдохновения, остается лишь ремесло. А в работе, которая почти целиком состоит из внештатных ситуаций и внеплановых операций, ремесла не всегда бывает достаточно. А после, когда измученный хирург засыпает дома, приходят к нему во сне ушедшие пациенты, глядят на него с укором: «Ты же мог меня спасти, парень, ты же мог...»

Сергей протер глаза, потянулся. Скоро закончится дежурство. Завтра выходной – можно будет выспаться, а вечером нужно забрать младшего сынишку из садика, потом помочь с уроками старшему – совсем ведь запустил учебу, паразит. Он уже в седьмом классе, но у него проблемы с математикой и физикой. Вот и приходится заниматься вместе. Вечером придет с работы Марина, займется сыновьями, и он сможет уйти в свою берлогу и рухнуть в постель.

В ординаторской никого не было, Сергей заварил крепкий чай, бросил туда ломтик лимона. Чей лимон, непонятно, ну да ладно, не важно. «Когда буду дежурить в следующий раз, нужно не забыть принести что-нибудь к чаю», – подумал Сергей. Сняв очки и подперев голову худыми руками, он задумался, рассеянно прихлебывая из чашки остывающий чай.

Дома все было непросто. Когда он буквально приполз из съемной квартиры в родительский дом, где жила его мать и бывшая жена Марина с детьми, то сначала все было неплохо. Увидев Сергея, бывшая обрадовалась. «Все, блудный муж вернулся в семью, теперь снова все наладится, все будет как прежде», – надеялась Марина. Но не склеить разбитой вазы. Сергей пришел домой потому, что просто больше некуда было идти, ведь квартиру снимать теперь смысла не было. Да и денег тоже – на больничный особо не погуляешь. Хотя, если бы он тогда знал, чем болен, лучше бы пошел в приют для бомжей, чем в дом, где жили его дети.

3

Сергей еще летом стал неважно себя чувствовать, но не придавал этому значения. Так, слабость иногда вечерами, покашливание. Не до того ему было. Тогда они вместе с Анной только сняли квартиру и еще не могли надышаться, наглядеться друг на друга.

Аня за пару дней превратила арендованное чужое пространство в уютное семейное гнездышко: повесила на стены картины с симпатичными пейзажами, поставила цветы в горшках, на окнах появились веселые занавески – и дом расцвел, заиграл. Впервые за много лет Сергей понял, что такое счастье. Все, как говорили классики – утром хотелось бежать на работу, а вечером домой. Однажды воскресным утром, пока любимая еще нежилась в полудреме в кровати, он потихоньку встал, оделся, спустился к цветочному киоску и купил целую охапку свежих алых роз. Вернулся, тихо закрыв за собой дверь, и, достав спрятанную в кармане пиджака бархатную коробочку того же цвета, что и букет, опустил перед кроватью на колени. Анна встревоженно спросила:

– Что-то случилось?

– Да, моя любимая.

При виде роскошного букета роз Аня широко распахнула свои голубые глаза.

– У нас праздник? – тихо спросила она.

– Да. У меня праздник начался с того дня, когда я встретил тебя! Ты выйдешь за меня замуж?

– Ты еще спрашиваешь?! – она счастливо улыбнулась.

Накануне они планировали убраться в доме, сходить за продуктами, а вечером пойти в гости к друзьям. Но вместо этого они провели весь день дома, не отрываясь друг от друга.

Свадьбу сыграли в начале октября, в самый разгар бабьего лета, когда с голубого неба светило неяркое осеннее солнце, а все скверы были усыпаны опавшей золотой листвой, которая так удивительно шуршит и пахнет, когда неторопливо бредешь по дорожке. Так Сергей и запомнил, что счастье пахнет опавшей осенней листвой. На свадьбу пригласили лишь несколько близких друзей, пришла и Анина дочь Катя, которой в этом году исполнилось уже восемнадцать лет. На невесте было скромное шелковое платье цвета слоновой кости, в руках небольшой букет, в который Сергей вставил несколько золотых кленовых листьев. Глядя в голубое небо, невеста вдруг произнесла:

– Небывалая осень построила купол высокий...

– Да, удивительная у нас с тобой осень. Чьи это слова?

– Ахматовой. Наверное, она тоже любила это время года.

Молодожены и представить себе не могли, сколько счастья и сколько горя приготовила им эта осень.

После свадьбы продолжилась обычная жизнь. По утрам они разбегались каждый на свою работу, а по вечерам, когда Сергей был свободен от дежурства в клинике, куда-нибудь выходили. Они вдруг заметили, что в городе кипит активная культурная жизнь – в театрах идут интересные спектакли, на гастроли приезжают известные музыканты, танцоры, популярные группы. Обычно за событиями в городе следила Аня, предлагая мужу интересные походы, а он придирчиво выбирал, пытаясь рассчитать, чтобы представление не совпало с его дежурством.

Вечерами Аня колдовала на кухне. Сергей, как и любой мужчина, любил вкусно поесть. И жена старалась. Особенно хорошо у нее получались пироги, и Аня каждое воскресенье с удовольствием баловала ими мужа. Она надевала пестрый передник, высоко закалывала белокурые волосы и принималась вымешивать тесто. Сергей любил смотреть, как она с ним занимается – тесто было словно живое в ее руках. Она мяла его, раскатывала скалкой, что-то вырезала, и на глазах происходило чудесное превращение горстки муки и дрожжей в пирожки с

капустой или в большой пирог с картошкой и грибами. Аня выкладывала свое произведение на противень, и вскоре вся квартира наполнялась невообразимым запахом свежее испеченных пирогов. Запахом дома, где царит уют и любовь, где ведут спокойные беседы, и слышится радостный смех.

Сергей был счастлив. Единственное, его тревожило, что иногда Аня возвращалась с работы грустная и замыкалась в себе, напряженно о чем-то думая. Он пытался поговорить об этом, но она отмахивалась, говоря, что ему просто показалось, это ерунда. Но Сергей чувствовал – что-то происходит. Потом стали раздаваться телефонные звонки, а номер абонента не определялся. Если к телефону подходил Сергей, на том конце быстро вешали трубку. Если подходила Аня, то, взяв трубку, она скрывалась в комнате или на кухне, а один раз даже закрылась в ванной. Потом возвращалась бледная, с трясущимися руками. На удивленные взгляды мужа отвечала:

– Да не волнуйся, все нормально, это просто с работы звонили.

В какой-то момент Сергей не выдержал, сел рядом с ней на диван и, взяв ее руки в свои, решительно сказал:

– Объясни мне, пожалуйста, что происходит.

Жена опустила глаза.

– В принципе ничего страшного. На работе проверка. Работают люди из ОБЭПа.

– С чего это вдруг вас решили проверить? – уточнил Сергей.

– Да это не вдруг. Шеф взял несколько кредитов, там вопросы по финансовым документам.

Сергей вздрогнул. Он надеялся, что никогда больше не услышит про этого человека, но вышло по-другому.

– А почему тебе звонят? Ведь это он деньги брал? – спросил он у жены.

Она молчала, опустив голову.

– Аня, скажи мне, я должен знать. Деньги брал... Игорь? – Голос Сергея звенел от напряжения.

Аня, не поднимая головы, принялась отвечать.

– Да, кредиты брал Игорь. Договаривался с банками и просил меня подготовить документы. Но подписывала их я. Да-да, не удивляйся, я ставила свою подпись. Это еще тогда было, до нашей встречи, но все всплыло только сейчас. Ведь я числюсь генеральным директором в ряде его компаний. И ответственность перед банками тоже формально я несу.

– А где эти деньги?

– Не знаю. Игорь сказал, что деньги нужны для его новых проектов, толком не объяснил ничего. Просто попросил расписаться. Вроде под несколько новых строительных площадок в Подмоскovie.

– А кто тебе звонит?

– Пару раз звонил Игорь, давал инструкции, что говорить проверяющим, потом стали звонить люди от него.

Сергей был потрясен.

– И ты молчала?

– А что я могла тебе сказать? Что верила тогда Игорю, как самой себе, что подписывала, как дура, все, что он просил? Что у меня на работе проблемы с финансами? Зачем? Чтобы ты тоже дергался? Ты ведь в этом не разбираешься, ты бы просто с ума сошел от беспокойства, а у тебя сложные операции. Нет, это мои проблемы, и я буду их решать сама.

– Послушай, но мы могли бы вместе сходить к юристу посоветоваться. У меня оперировался один адвокат, говорят, довольно известный.

Анна горько усмехнулась.

– Да ладно. Что они скажут, юристы. Да не переживай ты так, мне кажется, там все налаживается. Игорь должен как-то разрулить ситуацию. Он сказал, что поговорил с кредиторами, пригласил их соучредителями в несколько перспективных проектов, за это они обещали списать большую часть долга. Так что, надеюсь, все скоро образуется. Пойдем лучше пройдемся, подышим свежим воздухом.

Они вышли на вечернюю улицу. Было влажно, моросил дождик. Анна взяла мужа под руку и шла, опустив голову. Сергей глубоко задумался и не замечал, как шагает по лужам в своих легких ботинках. Он очень сомневался в благородстве Игоря, руководителя фирмы, где работала жена. Одно время Игоря и Анну связывали романтические отношения, сложные и вялотекущие, они даже жили вместе, но как-то неинтересно, безрадостно, по привычке. А когда Сергей снова возник в жизни Анны, она бросила Игоря и ушла к нему.

Он вспомнил налитые кровью глаза Игоря, занесенный над его головой кулак и зловещий шепот: «Пожалеешь, сука!» Нет, такой мужик не простит, и в благородство играть не будет. И что за инструкции он дает Анне? Нужно срочно найти человека, который разбирается в правилах российского бизнеса, кто может как-то помочь советом или делом. Все эти мысли теснились в голове, мешали друг другу – ну почему это случилось именно сейчас, когда все так хорошо?

Прошло несколько тревожных дней. Внешне все было спокойно. Но в душе Сергея поселился страх: он вздрагивал от телефонных звонков, громкого оклика, неожиданного стука в дверь. И что хуже всего, Сергей не мог отделаться от тяжелых мыслей даже на операциях и во время утренних обходов больных. Аня больше с ним эту тему не обсуждала, на все вопросы давала односложно-уклончивые ответы типа «не беспокойся, все налаживается». И меняла тему. Она берегла нервы мужа, а ему от этого становилось только хуже.

Однажды утром, когда они собирались на работу и Сергей потянулся поцеловать Аню и сказать, как обычно: «Пока, любимая, до вечера» – раздался звонок в дверь. Он удивленно взглянул на жену:

– Мы кого-то ждем? – и все понял по ее изменившемуся лицу.

– Я открою, – она решительно открыла входную дверь.

В квартиру быстро вошли несколько мужчин в штатском, за ними стояла высокая брюнетка с невыразительным лицом.

– Конькова Анна Алексеевна? – спросил один из вошедших.

– Да, это я.

Мужчины ткнули ей в лицо служебными удостоверениями сотрудников ОБЭПа и закрыли за собой дверь.

– Против вас выдвинуто обвинение в мошенничестве. Вот постановление на арест, а вот это – на проведение обыска.

Тут они заметили Сергея. Он стоял, прислонившись плечом к стене. Сергей понимал, кто к ним пришел, но не мог вымолвить ни слова. Такое состояние он испытал лишь однажды, когда летел в самолете и началась сильная турбулентность. Сначала самолет трясло, а потом он вдруг провалился в глубокую воздушную яму. Пассажиры держались в креслах только благодаря застегнутым ремням безопасности. Как в замедленной съемке, кофе и вино, выплеснувшись из стаканов под потолок и перемешавшись в воздухе, медленно оседали на пиджаки и блузы красивыми красно-коричневыми гроздьями. И тогда Сергей впервые в жизни понял, что такое паника: ты не можешь двинуть ни рукой, ни ногой, не можешь произнести ни звука и чувствуешь, как сердце колотится где-то в пятках. Вот и сейчас он просто стоял и смотрел на этих чужих строгих людей, которые зачем-то пришли в его дом.

Но вдруг один из вошедших повернулся и заметил его.

– Здравствуйте. Вы кто?

– Лавров Сергей Александрович. Муж Анны Алексеевны.

– Очень хорошо. С вами нам придется побеседовать. У нас есть несколько вопросов. Потом мы проведем обыск. Так положено. Вот постановление, – и он помахал перед лицом Сергея какой-то бумажкой. – А вас мы вынуждены задержать, – обратился он к Анне.

Аня отрешенно посмотрела на говорившего. Словно все происходило не с ней, и она наблюдала за происходящим со стороны, откуда-то из зрительного зала. Наверное, это тоже было реакцией на шок.

– Пока, Сереженька! Не волнуйся, я думаю, через пару дней все образуется, и я вернусь домой.

Сергей рванулся вперед, крепко прижал ее к себе. Словно деревянную куклу обнял.

– Анечка... Я постараюсь... Я...

Она быстро поцеловала его в губы, кивнула сопровождающему, равнодушно наблюдавшему за разыгравшейся сценой, и вышла.

Сергей прошел в комнату и встал около окна, стараясь не смотреть, как темноволосая женщина и коренастый мужчина в сером костюме роются в вещах. Женщина быстро перебрала вешалки с платьями и рубашками в гардеробе, открыла ящик с нижним бельем, внимательно рассмотрела каждую кружевную тряпочку. Мужчина читал бумаги, лежащие на столе. Когда женщина открыла очередной ящик и вытащила стетоскоп, Сергей очнулся:

– Я врач. У меня на утро операция назначена. Мне позвонить надо, – торопливо сообщил он.

– Звоните.

Сотрудники ОБЭПа продолжали обыск в квартире: проверили даже холодильник и кастрюлю на плите. Затем коренастый мужчина присел к столу и начал задавать вопросы Сергею. Они носили нейтральный характер – когда родился, где учился, в какой больнице работает. Лишь в конце спросил – давно ли знает Анну? Сергей задумался. Да, давно, с самого детства, когда она была еще смешной белобрысой девчонкой с хвостиком, а он увидел ее и не смог забыть. Но к вам-то, граждане начальники, какое все это отношение имеет?

– Мы поженились месяц назад, – спокойно произнес он.

Коренастый удивленно поднял брови, открыл было рот, но ничего не сказал и продолжал писать. Закончив, он протянул Сергею какие-то бумаги, попросил расписаться, пообещал пригласить его для более подробной беседы и, не прощаясь, направился к входной двери, кивнув, как собаке, темноволосой женщине – чтобы шла за ним.

И начались мытарства. Сергей бегал по знакомым, нашел телефон того самого адвоката, которого оперировал полгода назад, разузнал телефоны Аниных коллег. Встречался с юристами и людьми из банковской сферы, ездил по официальным учреждениям и казенным домам. За разговорами с нужными людьми выпил столько кофе, сколько, наверное, не пил за всю жизнь. Он, врач-хирург, который мог простоять десять часов у операционного стола, чтобы вытащить человека с того света, мучился и не мог понять, чем можно помочь той единственной, без которой не представлял своей жизни. Анну подставили, это понятно. Кто организовал подставу – понятно. За что – тоже не тайна. Да, с точки зрения закона вина ее очевидна – подписывала документы, не думая и доверяя тому, кто их составлял. Но этих денег она не брала! Она их в глаза не видела, не тратила, и вот – попала в СИЗО! А тот, кто присвоил деньги и подвел Анну, теперь ухмыляется и довольно потирает руки. Да уж, месть удалась! Так наказать женщину за то, что разлюбила, что не захотела терпеть его выходки и жить с ним?

Однажды, когда они только начали встречаться, Сергей увидел на ее тонких запястьях два синяка. Он поинтересовался – откуда? Но Анна только натянула рукава, что-то пробормотав про давку в метро.

Сергей силился, но так и не смог понять одного – зачем? Зачем так мстить за то, что ушла? Он считал так: разлюбила – отпусти. Зачем насильно рядом держать? Счастья-то все

равно не будет, чувства не вернешь. Хотя Сергей и подозревал, что Игорем двигала не любовь, а оскорбленное чувство собственности. Как же, его баба, его собственность, его вещь взбунтовалась и ушла! Он же содержал ее, дарил ей подарки. Но ведь Анна, уходя, все подарки оставила... Но не в этом суть. Главное – бунт на корабле, неподчинение! Значит – наказать! При чем изощренно, так, чтобы на всю жизнь запомнила, уж, сколько ей, дуре, этой жизни отведено будет...

Да и какой жизни?

Одна мысль не давала Сергею покоя, постоянно билась в голове: «Почему Анна молчала? Как могла его девочка, которую он знал, казалось, вдоль и поперек, ничего ему не рассказать?»

Они встречались, гуляли, целовались, она так нежно улыбалась ему и – молчала. Согласилась стать его женой, надела обручальное кольцо, ходила с ним по театрам, пекла пироги, спала с ним, в конце концов, и – молчала. Они обсуждали все на свете – свою жизнь до новой встречи друг с другом, детей, родителей, коллег по работе. Сергей рассказывал ей про сложные операции, стараясь переводить медицинские термины на простой человеческий язык. Анна внимательно слушала, даже давала советы, к которым он даже иногда прислушивался. Но о проблеме, что камнем лежала у нее на сердце, ничего не говорила. Никогда. А ведь чувствовала, не могла не понимать, что дело кончится плохо. Анна много лет проработала в риэлтерском бизнесе. Последнее время занимала должность генерального директора, пускай чисто номинально, и знала, чего стоит ее подпись на финансовых документах. Неужели она была столь наивна, что продолжала верить Игорю? И снова, как в замкнутом порочном круге, все мысли Сергея сливались в один простой вопрос: «Почему молчала?»

На работе Сергей свою личную жизнь не обсуждал. Он объяснил, что по уважительной причине пропустил рабочий день. А запланированную на то злосчастное утро операцию перенесли на два дня. Она прошла вполне успешно. Как врач, он размышлял о том, какую назначить схему лечения, как лучше обезболить пациента, принимал решение мгновенно, за несколько секунд. Долгие размышления для хирурга «Скорой помощи» были непозволительной роскошью. Еще Сергей думал о том, с кем надо встретиться и поговорить, чтобы сделать хоть что-то для освобождения Ани. Но о том, почему жена ничего ему не рассказывала, в то время как на ее шее медленно, но верно затягивалась петля, он волевым усилием думать перестал.

Однажды, когда уставший Сергей рухнул в постель и лежал с закрытыми глазами, пытаясь уснуть, в голову вползла мерзкая мысль: «Это же предательство. Мы обещали друг другу быть вместе в горе и радости, а она побоялась рассказать мне о проблеме. Значит, не доверяла. То есть, по сути, обманула меня».

Обман, предательство...

Сергей вскочил, вытряхнул из пачки сигарету, нервно закурил. Аня не разрешала ему курить в доме, но теперь на прикроватной тумбочке стояла полная окурков пепельница. Какая разница...

«Значит, у нее были основания. Стоп. Твоя задача вытащить жену из тюрьмы, с остальной лирикой будешь потом разбираться», – приказал он себе и с того момента гнал подобные мысли прочь.

На дворе стояла поздняя осень. Холодные дождливые дни тянулись друг за другом, неразлично сливаясь в один серый день. День сурка... С деревьев опали последние листья, темные ветки тоскливо тянулись к безнадежному небу, мокрый снег прилипал к асфальту и таял, оставляя лужи и грязь.

Закончив очередную операцию, Сергей шел по длинному коридору клиники. Вдруг в сторону приемного отделения один за другим, возбужденно переговариваясь, пробежали врачи. Очередного бегущего в сторону приемного покоя коллегу Сергей остановил:

– Что случилось?

– Теракт. Взрыв в центре Москвы. Пострадавших много. К нам везут и в ожоговый центр, как обычно. Ты что, ничего не слышал?

– Я оперировал.

Сергей, мгновенно оценив ситуацию, развернулся и быстрым шагом направился вслед за остальными – в приемное отделение.

Поступили первые пострадавшие. Громко кричала женщина, раненная в плечо, постанывал молодой парень на носилках. Он держался за голову и сквозь стоны повторял:

– Да ничего страшного со мной не произошло! Отпустите меня, я на самолет опаздываю. Да отпустите же меня, у меня рейс...

Осмотрев парня, Сергей понял, что у него сотрясение мозга и лицо рассечено осколками, но срочной операции не требуется. Рядом на носилках молча лежал светловолосый молодой мужчина. У него была рваная рана живота, многочисленные травмы ног. У раненого было белое, как мел лицо, из уголка рта сочилась струйка крови.

У окна в позе главнокомандующего стоял заведующий приемным отделением.

– Этого светловолосого срочно готовить к операции! Сергей, бери его. Скорее, ты же видишь, времени совсем нет. Срочно подготовьте третью операционную!

В течение четырех часов врачи боролись за жизнь пациента. Работало сразу две бригады хирургов – двое занимались раной живота, а Сергей с ассистентом оперировали ноги. Взрывом парню сильно разворотило стопу левой ноги, пришлось долго и тщательно собирать ее, надеясь, что мужчина все-таки будет ходить на своих ногах. Вдруг Сергей вспомнил, что сегодня не позавтракал, да и пообедать не успел. Вспомнил и снова забыл. Когда вышел после операции, понял, как смертельно устал.

– Андрей, ты опишешь операцию? Я, пожалуй, уже не в состоянии, – обратился он к своему ассистенту.

– Конечно, Сергей Александрович, идите домой, я все сделаю.

Уже давно стемнело, аллею освещало несколько фонарей. Дул пронизывающий ветер, швыряя в лицо дождь и мокрый снег. Сергей озяб, легкое пальто плохо защищало от разгулявшейся непогоды. Ботинки сразу промокли.

«Да, не повезло мне сегодня, – вздохнул он, но тут же поправил себя. – Ладно, чего ныть-то! Парнишке, который сейчас в реанимации, не повезло, пожалуй, куда больше, не говоря уже о погибших». И Сергей вдруг подумал о том, как непредсказуема жизнь... «Когда случаются радостные события, воспринимаешь их как должное, но стоит прийти беде... Выходит, любой может мгновенно лишиться здоровья, жизни, своего любимого... Никто не придет и не предупредит заранее – подготовься, мол, мужайся. Раз – и ты инвалид, раз – и друг погиб, раз – и твою любимую... Стоп! Прекрати! Перестань скатываться в свое несчастье. Это просто такой период в жизни, такое испытание. Аню оправдают, и все будет как прежде...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.